

Б.Г. Алиев

**ЧАТАРЫ КАК ОДНО ИЗ СОСЛОВИЙ ДАГЕСТАНСКОГО ЗАВИСИМОГО
КРЕСТЬЯНСТВА (XVII – ПЕРВАЯ ПОЛОВИНА XIX В.)**

Вопрос о чагарах как одной из сословных групп лично и поземельно зависимого дагестанского крестьянства привлекал внимание дореволюционных, советских и современных исследователей. Издавая адаты народов Северо-Восточного Кавказа, правовед Ф.И. Леонтович останавливается и на сословии чагар (*Леонтович Ф.И.*, 1882–1883). Азербайджанский историк А.-К. Бакиханов также писал о чагарах Дагестана (*Бакиханов А.К.*, 1846). Из дореволюционных авторов, писавших о чагарах, их происхождении, экономическом и социально-правовом положении, особо следует отметить М.Б. Лобанова-Ростовского, который еще в 40-е годы XIX в. указывал на сословные группы Кумыкской плоскости, в том числе, конечно, и на чагар Засулакской Кумыкии (*Лобанов-Ростовский М.Б.*, 1846, 2002). Через два года после него в газете «Кавказ» была издана большая работа местного автора Д.-М. Шихалиева, которая также была посвящена Засулакской Кумыкии, где много внимания автор уделяет и чагарам. Он практически охватил те же вопросы, что и первый автор, но шире и подробнее (*Шихалиев Д.-М.*, 1848, 1993). Пожалуй, работы указанных авторов положили начало полному описанию всех сословных крестьянских групп кумыков. В дальнейшем появляются и другие работы с описанием более или менее подробно тех же вопросов о кумыкском крестьянстве, в том числе и о чагарах.

Достаточно полно о чагарах стали писать и некоторые авторы 60-70-х годов XIX в. Так, в 1860 г. в газете «Кавказ» появилась статья Т. Макарова под названием «Кумыкский округ», где автор останавливается и на сословии чагар (*Макаров Т.*, 1860. № 77–78), через пять лет в той же газете была издана статья Хамзаева «Кое-что о кумыках». А до этого в 1862 г. А. Руновский в журнале «Военный сборник» издал интересную статью под названием «Взгляд на сословные правила и на взаимное отношение в Дагестане», которая представляет собой анализ возникновения зависимых сословий крестьянства в Дагестане и отражает образование целых сел из бывших рабов, посаженных феодалами на свои земли (*Руновский А.*, 1862. Т. 25. Кн. 8).

О Южном Дагестане, в частности Табасаране и Кайтаге, написал статью П. Петухов, который издал ее в газете «Кавказ» в 1867 г. под названием «Очерк Кайтаго-Табасаранского округа» (*Петухов П.*, 1867. № 7, 18, 12, 13, 15, 16).

Некоторое место чагарам отведено в статье П.А. Гаврилова «Устройство поземельного быта горских племен Северного Кавказа» (*Гаврилов П.А.*, 1869).

Большое место в своем многотомном труде уделит сословным группам крестьянства Дагестана, в том числе кумыкским крестьянам, среди которых не обойдены и чагары, акад. Д.Н. Дубровин (*Дубровин Н.*, 1871. Т. 1. Кн. 1).

Ряд работ появился в 80-90-е годы XIX в., в которых определенное место отводится и сословию чагар Дагестана. Среди этих работ отметим исследования С.А. Белокурова (*Белокуров С.А.*, 1889), М.М. Ковалевского, в работе которого даны наряду с чагарами и другие сословные группы крестьянства Дагестана (*Ковалевский М.М.*, 1890), М. О-ина под названием «Двадцатилетие освобождения

зависимых сословий на Северном Кавказе» (*О-ин М.*, 1892), Н. Семенова «Туземцы Северо-Восточного Кавказа», где также большое место уделено сословным группам крестьянства Засулакской Кумыкии (*Семенов Н.*, 1895). Затем были изданы работы А. Белобородова, среди которых интерес представляют «Землевладение в Терской области» и «Прошлое кумыков» (*Белобородов А.*, 1895, 1896).

Несколько работ, где затрагивается и вопрос о чагарах Дагестана, было выпущено в свет в начале XX в. Среди них большая статья П.Г. Гидулянова «Сословно-поземельный вопрос и раятская зависимость в Дагестане», изданная в трех номерах журнала «Этнографическое обозрение» (*Гидулянов П.Г.*, 1901); Н.П. Тульчинского, посвященные сословному вопросу жителей Северо-Восточного Кавказа, поземельному вопросу и общественному землепользованию на Кумыкской плоскости, в которых много интересного материала по теме нашей статьи (*Белобородов А.*, 1895, 1896).

Во втором десятилетии XX в. вышли две работы, которые также имеют отношение к теме нашей статьи. Это работа С.Л. Авалиани «Зависимые сословия на Северном Кавказе» (*Авалиани С.Л.*, 1914) и две работы В. Линдена, посвященные общественно-политическому и поземельному строю мусульман Кавказа и высшим классам коренного населения Кавказского края (*Линден В.*, 1916, 1917).

Большое внимание уделяли исследованию чагар ученые советского периода. Еще в 1927 г. У. Алиев написал работу под названием «Кара-халк (кара-халк – черный народ)», посвященную лично зависимым сословиям крестьянства (*Алиев У.*, 1927). Через 11 лет появилась большая статья проф. С.В. Юшкова, посвященная особенностям феодализма в Дагестане, где наряду с другими сословными группами крестьянства Дагестана большое место уделено и сословию чагар (*Юшков С.В.*, 1938). В 1940 г. А. Иванов издал статью о социально-экономическом развитии Дагестана до присоединения к России, в которой останавливается на сословных группах зависимого крестьянства Дагестана (*Иванов А.*, 1940).

Особенно привлекли сословные группы крестьянства Дагестана советских исследователей, начиная с 50-х годов XX в. В изданных работах А.И. Тамая, перечисляя сословия крестьянства кумыков, говорится о чагарах (*Тамай А.И.*, 1955, 195). В крупной монографии Р.М. Магомедова этому вопросу уделено большое место. Среди других сословных групп зависимого крестьянства он останавливается и на чагарах Засулакской Кумыкии, отмечая их происхождение и социально-правовое положение (*Магомедов Р.М.*, 1957). Большая статья Г.Г. Османова посвящена социальному строю Дагестана в конце XVIII – нач. XIX в., где подробно рассматриваются все классы и сословия феодального Дагестана. Большое место отведено в статье изучению чагар как одной из сословных групп крестьянства Дагестана (*Османов Г.Г.*, 1960).

Много внимания уделил изучению сословия чагар Засулакской Кумыкии в своей крупной монографии проф. Х.-М.О. Хашаев (*Хашаев Х.-М.*, 1961), а исследованию классов и социальных групп кумыков - С.Ш. Гаджиева, которая издала крупную монографию по кумыкам, в которой она останавливается на изучении чагар как одним из сословий феодально-зависимого крестьянства Кумыкской плоскости (*Гаджиева С.Ш.*, 1961).

Е.Н. Кушева, изучая русско-северокавказские отношения, не обошла вниманием и социально-экономическое положение народов Северного Кавказа. В связи с этим она затрагивала и вопрос о чагарах – «пашенных» людях (*Кушева Е.Н.*,

1963). Определенный интерес для исследования представляет работа Б.В. Скитского, посвященная горским народам Северного Кавказа (*Скитский Б. В.*, 1972).

Среди работ постсоветского периода, в которых много внимания уделено словию чагар, как и всем классам и сословным группам дагестанского общества, следует отметить работы А.С.-М. Акбиева, в которых, пожалуй, наиболее полно дана эта сословная группа кумыкского крестьянства (*Акбиев А.*, 1998, 2000).

Конечно, не обойдены чагары и в коллективных работах, изданных как в советское, так и в постсоветское время (Очерки истории Дагестана. 1957. Т. 1; История Дагестана. 1967. Т. 1; История народов Северного Кавказа. 1988. Т. I–II; История Дагестана. 2002. Т. 1).

Основными источниками по чагарам являются материалы Центрального государственного архива Республики Дагестана, где в различных фондах (2, 26, 105, 126, 150, 379 и др.) имеются документы, содержащие сведения о происхождении, экономическом и социально-правовом положении чагар, зависимых и рентных отношениях их в различных феодальных владениях и регионах Дагестана.

Чагары – это одно из феодально-зависимых сословий крестьянства Дагестана, которое находилось в полной личной и поземельной зависимости от феодалов. Существуют различные мнения по вопросу о происхождении названия чагар. Одни исследователи считают, что этот термин произошел от кумыкского слова чикмак (чыкъмакъ) – «выходить», «выходец»; другие же термин «чагар» стараются вывести из племенного названия, утверждая, что это этнический термин (*Магомедов Р.М.*, 1957. С. 179). По мнению Р.М. Магомедова, оба эти объяснения термина «чагар» «не противоречат друг другу, а находятся в полном согласии» (*Магомедов Р.М.*, 1957. С. 179). По мнению С.Ш. Гаджиевой, слово «чагар» не местного происхождения, а монгольского. Оно было занесено в Дагестан в качестве социального термина в период завоевательных походов монголов. Известно, что в эпоху Чингисхана «чакарами» называли челядь, находившуюся при дворах (ставках) монгольских вельмож и князей. Термин «чагар» в том же значении встречается у якутов (*Гаджиева С.Ш.*, 1961. С. 113). С.Ш. Гаджиева не была согласна с теми исследователями, которые старались установить генетическую связь термина «чагар» с глаголом «чыкъмакъ». «Если бы термин «чагар» был связан с глаголом «чыкъмакъ», – писала она, – то первый гласный в слове «чагар» (чагъар) был бы не «а», а «ы» (чыгар), ибо в кумыкском языке нет закона регрессивной ассимиляции гласных» (*Гаджиева С.Ш.*, 1961. С. 113). Но отдельные исследователи, в частности Е.Н. Кушева, на основе наличия в русских источниках сведений о имевших место различных категориях крестьян в шамхальстве под названием «пашенные люди» подразумевала крепостных крестьян Дагестана, т.е. в первую очередь чагар (*Кушева Е.Н.*, 1963. С. 50, 51). При описании шамхальского двора в Тарках посланник грузинского царя старец Кирилл сообщил, что около двора шамхала было «дворов черных с 300» (*Белокуров С.А.*, 1890. С. 400–401, 405). Это «пашенные люди», т.е. крестьяне, сидящие на земле – пахоте и выполнявшие работы на своего феодала, которые, как писала Е.Н. Кушева, работали в хозяйстве шамхала, на его земле (*Кушева Е.Н.*, 1963. С. 50).

Причем, интересно, что в 1604 г., когда опасались похода на Тарки царских воевод, сам шамхал жил в горах (в летней резиденции Казикумухского шамхаль-

ства – в сел. Кумух), и тогда пашенных людей в Тарках (зимней резиденции шамхала) осталось всего дворов 20 или 30. Кирилл сообщал, что когда «хлеб поспеет (на плоскости. – Авт.), от шамхала приезжают воинские люди и «хоронят хлеб» «по ямам и по горам» (*Белокуров С.А.*, 1889. С. 400–401, 405). Значит, урожаем собирали «пашенные люди», а «хоронили хлеб» «воинские люди» (т.е. нукеры шамхала. – Авт.).

В связи с этим сообщением Е.Н. Кушева писала о происхождении этой словесной группы крестьянства. «Записанные уже в XIX в. предания, – писала она, – показывают, что была тенденция сажать рабов на землю и что таково было происхождение некоторых раятских селений» (*Кушева Е.Н.*, 1963. С. 51). И действительно, как известно, ряд сел в Нагорном Дагестане образовался в результате перевода рабов на господскую землю. Это были селения, население которых было лично и экономически (поземельно) зависимо от феодальных правителей Аварии и Казикумуха. Но на Кумыкской плоскости эта категория феодально и личнозависимого крестьянства называлась чагарами, и происхождение ее было такое же, как и раятов Нагорного Дагестана. В сведениях о личных, семейных, имущественных и поземельных правах и повинностях крестьян, собранных во второй половине XIX в., говорится, что чагары – это бывшие дворовые люди из рабов и рабынь, отпущенных со двора для устройства собственного хозяйства на землях бекских или владельческих (ЦГА РД. Ф. 126. Оп. 2. Д. 72. Л. 1; Д. 11–6. Л. 2). Писали об этом и многие дореволюционные авторы – М.Б. Лобанов-Ростовский, Д.-М. Шихалиев, Н.Ф. Дубровин, Хамзаев и др. Так, М.Б. Лобанов-Ростовский отмечал: «Чагары – те же холопы, избавленные от домашней службы и которым предоставлено, на известных условиях, право пользования некоторыми участками господской земли» (Лобанов-Ростовский М.Б., 2002. С. 30–31). Вслед за ним Д.-М. Шихалиев также отмечал, что чагары «происходят от крепостных людей (рабов. – Авт.) и суть те же куллы, но на различных условиях зависимости и от княжеской домашней службы избавленные и причисленные к известной полосе земли с канавою» (*Шихалиев Д.-М.*, 1993. С. 62).

О причинах, почему князя отпускали рабов и сажали их на землю, также писали М.Б. Лобанов-Ростовский и Д.-М. Шихалиев. Они отмечали, что в прежние времена князя мало занимались хлебопашеством. «Табуны, стада, отдача в наем гор и кутанов, пошлыны и прочие положенные доходы достаточно обеспечивали их в потребностях домашней жизни, без помощи хлебопашества», – писал например Д.-М. Шихалиев (*Шихалиев Д.М.*, 1993. С. 62–63). «Хлеба сеяли столько, сколько нужно были им (князьям. – Авт.) для прокормления своих семейств, – отмечал М.Б. Лобанов-Ростовский. – Но полевые работы, как бы ни были они им тягостны, требовали непременно их присмотра. Каждый год во время посева, сенокоса, сбора хлеба, князь выезжал в поле со своими холопами; последних в прежнее время у князей было гораздо более, чем теперь (40-е годы XIX в. – Авт.), они ежегодно увеличивались взятыми в плен или обманом захваченными в горах; всех их приходилось кормить и содержать. Очень естественно, что тогдашние князья, не извлекавшие особых доходов из хлебопашества, находили тягостными содержание многочисленной дворни и поэтому, оставивши при себе необходимое для домашнего хозяйства, остальных избавляли от личной службы на известных условиях» (Лобанов-Ростовский М.Б., 2002. С. 32–33). Остановливаясь на этих условиях, он писал: «Условия эти, зависевшие от каждого князя, были различны по местности: чагары андреевские, аксаевские и костековские до сих пор (середина XIX в. – Авт.) не имеют одинаковые обязанности. Главные, впрочем, состоят в

том, что несколько дней в году сеять, косить сено, убирать хлеб и свозить его к дому владельца. – Чагары могут быть проданы только не иначе, как в тот самый округ, где они поселены; каждый из них имеет право выкупиться на волю, заплативши князю по 100 руб. серебром за душу» (*Лобанов-Ростовский М.Б.*, 2002. С. 33).

Останавливаясь на этих же вопросах, Д.-М. Шихалиев писал, что на «чагарах лежит обязанность доставлять в дом княжеский накошенное для него сено и привозить на зиму несколько возов дров» (*Шихалиев Д.-М.*, 1993). В то же время он более конкретно писал о различном положении чагар всех трех владений засулакских кумыков. «Проживающие из них в Андрееве, Аксае и Костеке пользуются различными друг от друга преимуществами, – отмечал он, – одного может продать со всем семейством, но только в тот округ, где он живет, другой может откупиться за самую безделицу, иные избавлены от участия в мирщине, а у других женщины считаются свободными» (*Шихалиев М.-Д.*, 1993. С. 63).

Посаженные на землю рабы – чагары первоначально ничем не отличались от обыкновенных рабов. Положение их проф. С.В. Юшков сравнивал с положением страдных людей, холопов на пашне феодальной Руси или сервов, посаженных на землю (во Франции и Италии), которые «затем постепенно получили некоторую хозяйственную самостоятельность и стали переходить в разряд крестьянства. Это был своего рода серваж на дагестанской почве» (*Юшков С.В.*, 1938. С. 81). В отличие от азат-узденей, которые также происходили от рабов, но освобождались по «отпускной бумаге» и на них владельцы теряли свои прежние права, эта часть рабов, посаженных на землю (чагары), не получали отпускной бумаги и оставались в зависимости от владельца (*Кн. Х-в.*, 1865). Этих чагар А.С.-М. Акбиев считает второстепенными чагарами, в составе которых он перечисляет чагар, образовавшихся от холопов, которые поступали в приданое кабардинским князям при выдаче их в замужество за кумыкских князей (ЦГА РД. Ф. 105. Оп. 2. Д. 99-а. Л. 1; *Гаджиева С.Ш.*, 1961. С. 114; *Авалиани С.Л.*, 1914. С. 18). Для подтверждения сказанного он приводит письмо аксаевского владельца Магомед Уцмия Солтанмурадова кизлярскому коменданту фон Фраундорфу от 28 мая 1755 г., где сказано: «Имеются у нас чагары в холопстве, а их природа бывает грузина и армянина и черкеса, а без них нам служить никоим образом не можно...» (ЦГА РД. Ф. 379. Оп. 1. Д. 337. Л. 23; *Акбиев А.*, 2000. С. 103).

Это было одно из направлений образования чагар, которому предшествовал другой путь – заселение на владельческих землях переселенцев из разных мест Дагестана. «Земли пустой, – писал Л.Б. Лобанов-Ростовский, – было много около вновь заложенной деревни (Эндирей. – Авт.): князь раздавши участки своим кабардинским и кумыкским узденям, получил естественное право на владение остальнойю. Селившиеся впоследствии обращались к нему с просьбой на получение участка и обязывались, в вознаграждение отведенной им земли и оказываемого им покровительства, в известной степени подчиненностью и службою князя, то есть по феодальному обычаю перенятому у кабардинцев, они поступали к нему в уздени. – Таким образом, в скором времени большая часть жителей, по земле ими занимаемой, очутилась в зависимости от князей. Вольными дачниками остались только те, которые еще до прибытия Султанмута выселились из гор» (*Лобанов-Ростовский М.Б.*, 2002. С. 24).

Останавливаясь на этом направлении образования чагар, Р.М. Магомедов писал: «То, что в горах горец испытывал страшное безземелье и в течение всей истории на этой почве с гор на плоскость происходило выселение, – это бесспорный

факт. Бесспорно и то, что на этой почве горцы вынуждены были уходить с родных мест и селиться в отдаленных местах. Все они шли на кумыкскую землю и по нужде селились на владельческих землях на кабальных условиях, приводивших их в конце концов к феодально-зависимому положению» (Магомедов Р.М., 1957. С. 179–180).

На пути образования крестьянского сословия чагар из горской безземельной бедноты («выходцы из разных местностей», поселенные «на бекских землях») указывается и в материалах по поземельному устройству населения Дагестана (ЦГА РД. Ф. 90. Оп. 2. Д. 30. Л. 18). По сведениям князей, представленным ими в 30-е годы XIX в., сословие чагар образовалось «в давнее время», и это название было «присвоено крестьянским переселенцам в их деревнях и на их землях» (ЦГА РД. Ф. 90. Оп. 2. Д. 30. Л. 1). По их данным, чагары считались их крестьянами, «обязанными вносить за пользование землею установленные обычаем повинности и ясак» (ЦГА РД. Ф. 90. Оп. 2. Д. 30. Л. 1). В сообщениях и самих чагар также нет противоречия утверждениям князей, кроме времени заселения их предков на землях феодалов и правового положения их в прошлом. Так, по сообщению чагар «Андреевского участка», «предки их прибыли на Кумыкскую плоскость из разных мест Кабарды, Тавлинии (с Горного Дагестана. – Авт.), Ногайских степей – некоторые добровольно, другие же выбежали по каким-либо неудовольствиям» (ЦГА РД. Ф. 90. Оп. 2. Д. 30. Л. 2). По их утверждению, чагары, жившие на Кумыкской плоскости в их время, «есть уже 6-е или 7-е поколение их» (ЦГА РД. Ф. 90. Оп. 2. Д. 30. Л. 2). Чьи бы сведения из перечисленных ни были правдоподобными, из них видно, что речь идет об изучаемом периоде и в них нет противоречий в отношении предков чагар и образования на Кумыкской плоскости этого крестьянского сословия.

Но интересна другая сторона вопроса – показания чагар, что «они всегда были народом вольным, пользовавшимся наравне с другими жителями местными обычаями и правами, холопами же они никогда не были» (ЦГА РД. Ф. 90. Оп. 2. Д. 30. Л. 3). Таким утверждением эта категория чагар хотела показать, что их нельзя путать с другой категорией чагар, образовавшихся от холопов, которые «были переведены из двора князя в деревни (речь идет о чагарах Аксая, о чем говорится в отчетах кумыкского отдела сословно-поземельной комиссии. – Авт.) с обязательством вносить князю повинность, какую он потребует». Предки же их были люди свободные, которые «переселились по своей воле, а не силою князей и не приобретены покупкою, почему и получили название чагар, означающее на кумыкском языке вольные. В то же время князья не имели никакого права насильного с ними управления. После же князья стали употреблять их на все работы насильно и продавать в посторонние руки как крестьян» (ЦГА РД. Ф. 105. Оп. 1. Д. 6. Л. 17).

Анализируя данный документ, С.Ш. Гаджиева обратила внимание на иное толкование термина «чагар» в отличие от существующего толкования этого слова как вывод рабов со двора владельца на землю или как термин, занесенный извне (Гаджиева С.Ш., 1961. С. 113).

Но для нас важно то, что из приведенного толкования действительно можно прийти к выводу, что чагары образовались двумя путями – за счет переведенных на землю феодала рабов и за счет переселенцев из разных мест на Кумыкскую плоскость.

По мнению С.В. Юшкова, были и другие пути и источники происхождения чагар, в частности, закабаление свободного крестьянства (Юшков С.В., 1938. С. 81). Однако никаких сведений, подтверждающих это мнение известного ученого,

нет. Аналогичного мнения, между прочим, видимо, под влиянием первого придерживался и дагестанский ученый-историк А.И. Тамай, который, исследуя социально-экономическое развитие кумыков XV–XVII вв., писал: «В положение крепостных попадали экономически слабевшие «свободные» уздени, которые до того имели свои мизерные наследственные земельные участки и сохраняли известную независимость от класса феодалов» (*Тамай А.И.*, 1955. Л. 14). Аналогию мы имеем у народов Северного Кавказа. Так, у адыгов также наблюдается образование крепостного крестьянства от бывших лично свободных крестьян. Это лагунапыты (у кабардинцев) или пшитли (у остальных адыгов) – бывший тхукотл, который «пристраивался» ко двору князя или дворянина, становясь таким образом дворовым человеком (*Гарданов В.К.*, 1967. С. 219; *История Кабардино-Балкарской АССР с древнейших времен до наших дней.* 1967. Т. 1. С. 205).

Различные формы происхождения чагар должны были привести и к их различному положению. И на самом деле, если проследить, кто такие рабы и переселенцы, то становится ясным, что первые и после перехода их на землю феодала оставались в личной зависимости, а вторые, будучи по своему происхождению свободными, добровольно, но, конечно, с согласия землевладельца переселялись на землю последнего, и поэтому, естественно, первоначально они не находились в таком положении, как чагары, образовавшиеся из бывших рабов. Естественно, не имея собственных средств производства и основное из них – землю, они попадали в поземельную зависимость, что было вполне достаточно для дальнейшего закабаления их землевладельцем. Так именно происходило и в последующем, со временем, когда они силою экономической и политической власти землевладельца превращались в таких же зависимых, как чагары-рабы. Это мы можем проследить и по сведениям аксаевских чагар, по словам которых (позволим себе повториться) первоначально «князья не имели никакого права насильного с ними управления, но просили их помогать в некоторых домашних работах добровольно. После же князья стали употреблять их на все работы насильно и продавать в посторонние руки как крестьян» (ЦГА РД. Ф. 105. Оп. 1. Д. 6. Л. 17; *Тамай А.И.*, 1955. Л. 14).

Что положение чагар-переселенцев, которых называли «гельгельчилер» (пришельцы), было не одинаковым в сравнении с положением чагар образовавшихся от посаженных на землю рабов, указывают и советские исследователи. Вместе с тем высказывались различные мнения по этому поводу. Называя пришельцев второстепенными чагарами, переселившимися на плоскость в более позднее время, Р.М. Магомедов писал, что положение их было «тяжелее, нежели первостепенных», которые, по его словам, «крепко сидели на земле, имели более самостоятельное хозяйство, а некоторые даже рабов» (*Магомедов Р.М.*, 1957. С. 180). Нам представляется, что более справедливо мнение С.Ш. Гаджиевой, которая писала, что положение «гельгенчилеров» (пришельцев) было легче, чем положение чагар – бывших рабов, посаженных на землю. «Как свидетельствуют архивные документы, – писала она, – рента, получаемая с чагаров – бывших рабов, была более высокой, нежели с чагаров «пришельцев». Первые, как бывшие дворовые, обязаны были выходить на работу «по востребованию» (ЦГА РД. Ф. 105. Оп. 2. Д. 99-а. Л. 3) владельца, а требовать он мог их «во всякое время и на неопределенное число дней» (ЦГА РД. Ф. 105. Оп. 6. Л. 2; *Гаджиева С.Ш.*, 1961. С. 113).

Эти расхождения во мнениях о положении различных групп чагар, как нам представляется, связаны с мнением о путях образования этого сословия. По мнению Р.М. Магомедова, образование чагар шло по трем направлениям. Это, во-

первых, за счет давних безземельных переселенцев и кровников; во-вторых, за счет посаженных на землю рабов и, в-третьих, за счет поздних переселенцев. Как нам кажется, первую группу чагар имел в виду Р.М. Магомедов, говоря о привилегиях по сравнению с пришельцами в более позднее время (.Магомедов Р.М., 1957. С. 179–180).

Другие дагестанские исследователи отмечают только два пути образования чагар – посаженные на землю рабы и наделенные землей переселенцы из других мест, которые и заселились на Кумыкской плоскости с обязательством определенной подчиненности феодалам - владельцам земли, как об этом говорится в последних работах дагестанских ученых. Так, А.С.-М. Акбиев, исследуя социально-экономическое развитие кумыков XVII–XVIII вв., также затронул вопрос о формах образования чагар. Он пишет: «Сословие чагаров образовалось из различных выходцев на кумыкскую плоскость, искавших покровительства сильных и влиятельных беков, которые поселяли их на своих свободных землях, в результате чего переселенцы попадали в определенную от них зависимость» (Акбиев А., 2000. С. 102. Ссылается на: ЦГА РД. Ф. 105. Оп. 2. Д. 99-а. Л. 2). И далее, останавливаясь на причине переселения на Кумыкскую плоскость, он утверждает: «Испокон веков горцы испытывали безземелье и поэтому нередко переселялись на плоскость. Одной из причин переселения была и кровная месть, спасаясь от которой горцы прибегали к покровительству кумыкских биев. Переселенцы образовали категорию первостепенных чагаров» (Акбиев А., 2000. С. 162).

Как видим, А.С.-М. Акбиев в отличие от Р.М. Магомедова первостепенными чагарами называет переселенцев с горного Дагестана и других мест, второстепенными – чагар, происходивших: «1) из тех рабов, которых не держали у себя в домах, а выселяли в подвластные селения; 2) из тех холопов, которые поступали в приданое княжнам при выходе их замуж за кумыкских биев» (Акбиев А., 2000. С. 103. Ссылается на: *Авалиани С.Л.*, 1914. С. 18).

Как нам кажется, о каких бы переселенцах и о каком бы времени ни шла речь, безусловно, положение их было первоначально лучше, чем положение недавних рабов, на которых и после перевода на землю хозяин-землевладелец по-прежнему сохранял какие-то права. Кажется, именно эту часть чагар следует иметь в виду, когда Д.-М. Шихалиев писал: «Составляя в народонаселении Кумыкского владения самый многочисленный класс, дружные, храбрые и послушные своим старшинам чагары в прежние времена играли важную роль в делах народных, покровительствовали всем угнетенным от аристократии и даже самим аристократам в междоусобных их распрях и взаимных гонениях, давали у себя убежище. Опасно было убить чагара, ибо убийцу весь класс их преследовал» (Шихалиев Д.-М., 1993. С. 63).

Отличие же первоначального правового положения разных групп чагар было вызвано разновременностью перехода на плоскость, различием условий, заключенных выходцами из разных мест с владельцами земли, что и породило разнообразие степеней зависимости от владельца (Белобородов А., 1896. № 146).

Чагары имелись не только в шамхальстве (с середины XVII в. в Тарковском владении) и в Засулакской Кумыкии (в основном в Эндирее, Аксае и Костеке) (Шихалиев Д.-М., 1993. С. 63), но и в Кайтагском уцмийстве, о чем говорится в ряде источников. Так, в «Записке о сословно-поземельном строе в Кайтаге», где дается описание общественного строя и классовой структуры в Кайтаге «в прежнее время», чагары перечислены наряду с раятами. Среди прочей недвижимости, выделяемой из имения отца кайтагским чанка-бекам, здесь перечислены 12 дво-

ров раят и 12 дворов чагар (Феодальные отношения... 1969. С. 186). Чагарами являлись жители Туманляра и часть мусульманского населения Янгикента (Феодальные отношения... 1969. С. 215). Имелись чагары и в отдельных селениях Хамур-Дарго (или в Утамышском султанстве), в частности в сел. Утамыш, которые принадлежали местным бекам (ЦГА РД. Ф. 150. Оп. 1. Д. 1. Л. 43). По мнению Р.М. Магомедова, кроме жителей указанных сел, чагарами являлась и часть жителей кумыкского сел. Башлы (Магомедов Р.М., 1957. С. 230). Он предполагал, что кайтагские чагары были не терекемейцы. Это были «кумыки – то ли переселенцы, то ли беглые от кумыкских феодалов» (Магомедов Р.М., 1957. С. 230). По мнению П. Петухова, происхождение кайтагских чагар было таким же, как и кумыкских – «это потомки военнопленных, поселенных беками на своих землях» (Петухов А., 1867. № 2).

Если о кумыкских чагарах, как было отмечено выше, имеется сообщение Д.-М. Шихалиева, что это был «самый многочисленный класс» среди кумыкского населения, то о кайтагских чагарах мы не располагаем аналогичными сведениями. Есть лишь примечание поручика Сотникова к собранному им материалу о Кайтаге о том, что имеется «много так называемых чагар» (О Кайтаге, Уркарахское наибство) // Памятники обычного права Дагестана XVII–XIX вв., 1965. С. 37). Из его же сообщения можно понять, что чагары были не только в указанных выше кайтагских селениях, но и в других селениях Кайтагского уцмийства. Сотников писал: «Уцмиями заселены Терекеме, 6 деревень в Маджалисском ущелье, селение Туманляр, Янгикент и Чумлы и частью племенами (горные деревни), частью выходцами из Дербента по приглашению в Маджалис и Янгикент» (О Кайтаге, Уркарахское наибство) // Памятники обычного права Дагестана XVII–XIX вв., 1965. С. 37). Отсюда следует, что Сотников под чагарами имеет в виду раятов, которые составляли основное лично и феодально-зависимое население Кайтагского уцмийства, хотя и не исключена возможность, что та часть из них, которая, будучи ранее рабами, была посажена на землю феодала и стала, как и в кумыкских владениях, называться чагарами. Разницу здесь между этими двумя группами феодально-зависимого крестьянства трудно проследить.

Переведенный на землю феодала раб, очевидно, не мог сразу отделиться от хозяина и поэтому продолжал жить в его доме. «Крепостные люди (т.е. чагары. – Авт.), – писал М.Б. Лобанов-Ростовский, – живут обыкновенно в самом доме господина и занимаются всеми домашними и полевыми работами; женщины выполняют почти ту же самую службу, что мужчины, рубят дрова, ходят на жатву хлеба, молотят и в свободное время помогают господам своим в женских работах. Сверх этих обыкновенных занятий, молодые и пригожие почти всегда обязаны увеселять господ своих» (Лобанов-Ростовский М.Б., 2002. С. 28–29). Основываясь на имеющихся источниках, Р.М. Магомедов писал: «Часть чагаров жила в господском доме, занимаясь домашними и полевыми работами, а большинство сидело отдельно поселениями на земле феодала» (Магомедов Р.М., 1957. С. 180). Но со временем чагары отделялись от своего хозяина и заселялись в той части селения, где уже жили чагары. Это, как правило, были отдельные кварталы – у кумыков «авулы», которые находились недалеко от владельцев. Так, в Тарках был квартал под названием Чагар-авул (Белокуров С.А., 1890. С. 404).. Такие же отдельные кварталы имелись, например, в сел. Эндирей (Тюмень-чагар, Адиль-Гирей-чагар, Айдемир-чагар, Темир-чагар); в Аксае (Адиль-чагар, Каплан-чагар) (Шихалиев Д.-М., 1998. С. 50–52). В сел. Башлы, как и в Тарках, имелся квартал Чагар-авул (Гаджиева С.Ш., 1961. С. 114).

Из приведенных сведений видно, кому в прошлом принадлежали чагары перчисленных кварталов, кумыкских сел, где они имелись. Так, квартал Айдемир-чагар принадлежал роду Айдемировых (Айдемир – сын Султан-Махмуда); Тюмень-чагар и Гирей-чагар – роду Казаналиповых (Казаналип – сын Султан-Махмуда); Адиль-чагар и Каплан-чага – роду Алибековых (*Шихалиев Д.-М.*, 1993. С. 50–52; Гаджиева С.Ш., 1961). По сообщению Д.-М. Шихалиева, чагары последнего квартала (Каплан-чагар) вместе с Алибеком были переселены в сел. Аксай, т.е. они были чагарами еще в сел. Эндирей, а потом с переездом хозяина в Аксай они вместе с ним переселились туда. Очевидно, что эти чагары перешли к Алибеку по наследству от отца Айдемира. Интересны в связи с этим сведения аксаевских князей о форме их заселения. По их утверждению, предки чагар, живших в XIX в., раньше «были холопами и современные чагары потомки их, которым позволили жить в деревнях князей, а не во дворе» (ЦГА РД. Ф. 105. Оп. 1. Д. 6. Л. 25).

Чагары, будучи посажены на землю феодала и находясь от последнего в личной и поземельной зависимости, несли в его пользу повинности. И, как отмечалось выше, повинности чагар по отношению к своим владельцам-хозяевам «не были определены обычаем и совершенно зависели от воли владельца» (*Гаврилов П.А.*, 1868. С. 48). Здесь действовал полный произвол феодала (*Иванов А.*, 1940. С. 64). Чагары обязаны были «выходить на работы владельца по востребованию» (РФ ИИАЭ ДНЦ РАН. Ф. 1. Оп. 1. Д. 158. Л. 5). Вместе с тем условия, заключенные с чагарами земельными собственниками-феодалами, бывали различные и зависели как от местности, так и от воли каждого отдельного землевладельца-феодала. Общим же для всех чагар, как было отмечено выше, независимо от различных условий их происхождения и иных причин, являлось то, чтобы несколько дней в году сеять, косить, убирать хлеб и свозить его в дом хозяина (*Дубровин Н.*, 1871. Т. 1. Кн. 1. С. 605).

Чагары не имели никаких прав на отведенную им владельцем землю, хотя занимали ее наследственно в виде обязанностей крестьян (ЦГА РД. Ф. 126. Оп. 1. Д. 11. Л. 2). Вместе с тем, право собственности на приобретенное чагарами своим личным трудом признавалось за ними, как за всеми свободными лицами (ЦГА РД. Ф. 2. Оп. 72-г. Л. 2). Кроме того, с разрешения владельца чагары имели право на его земле возводить дом, мельницу, разводить сады и т.д., хотя при этом пособие на обзаведение хозяйством они не получали от хозяина. Если владелец сам желал удалить чагар, поселенных им на своей земле, то за приобретенное или заведенное личным трудом имущество должен был им заплатить; в противном случае чагар имел право уничтожить все, чего забрать с собой не мог. На это имущество владелец не имел никаких прав (ЦГА РД. Ф. 105. Оп. 1. Д. 6. Л. 23–24). Имущество чагар переходило по наследству по мужской линии. Однако, если чагар не имел наследника мужского пола, то имущество его переходило к феодалу – владельцу земли за вычетом некоторой доли наследникам женского пола. Этот адат был отменен генералом А.П. Ермоловым (ЦГА РД. Ф. 105. Оп. 2. Д. 99а. Л. 4).

Чагары без согласия хозяина не имели право переселения из одного аула в другой, от одного владельца к другому (ЦГА РД. Ф. 105. Оп. 1. Д. 6. Л. 28: *О-ин М.*, 1896. № 50). Как писал Н.Ф. Дубровин, хозяин брал с чагара обязательство, чтобы, как он, так и семейство, его дети раз переселившись на землю, не переселятся уже на другое место (*Дубровин Н.*, 1871. Т. 1. С. 625). Речь в данном случае, конечно, может идти о чагарах-пришельцах, так как бывшие рабы и после пересе-

ления на землю владельца оставались в его личной зависимости. При переселении чагара без согласия хозяина-владельца в другое селение последний имел право требовать его обратно (ЦГА РД. Ф. 195. Оп. 2. Д. 99-а. Л. 4; *Хашаев Х.-М.*, 1961. С. 203). Владелец мог продавать и наказывать своего чагара. Причем, как указывается в архивных материалах, по народным обычаям, до присоединения Дагестана к России «члены одного и того же семейства» не могли быть «продаваемы в розницу» (ЦГА РД. Ф. 126. Оп. 2. Д. 72-г. Л. 1). Указывал на это и А.-К. Бакиханов, который писал следующее: «... в Дагестане есть деревни и отдельные семейства из купленных или военнопленных под названием чекар (потомственные невольники); они могут быть продаваемы владельцами по одиночке или семействами и находятся в полном из распоряжении» (См.: *Агаян Ц.П.*, 1948. С. 188; *Магомедов Р.М.*, 1957. С. 180). Далее он отмечал, что «владелец, убив такого раба, ни перед кем за это не отвечал. Убийца чагара не подвергается кровомщению» (*Агаян Ц.П.*, 1948. С. 168; *Магомедов Р.М.*, 1957. С. 180).

Аналогичное утверждение в отношении чагар Кайтагского уцмийства мы находим и у П. Петухова, писавшего, что «беки имели право убивать чагара за непослушание» (*Петухов П.*, 1867. № 12). Вместе с тем, согласно другим источникам, владелец «не мог лишить жизни чагара» (ЦГА РД. Ф. 105. Оп. 2. Д. 99-а. Л. 39). Но, как отмечалось нами и выше, убийство чагара было сопряжено и с большой опасностью для владельца. «Опасно было убить чагара, – писал Д.-М. Шихалиев, – ибо убийцу весь класс их преследовал. В Андрееве, Аксае, Костеке, Тарках, Брагунах и вообще, где есть чагары, убийца был небезопасен; везде за ним невидимо следили чагары» (*Шихалиев Д.-М.*, 1993. С. 63–64).

Определенные ограничения прав владельца на личность чагара имелись и при его купле-продаже. Прежде всего отметим, что чагары могли «быть проданы только не иначе, как в тот самый округ, где они поселены» (*Лобанов-Ростовский М.Б.*, 2002. С. 33). И второе, на что хотелось обратить внимание в этом вопросе: по праву купли-продажи, известному у кумыков под названием чагар-сабу, купивший чагара не имел право продать его, не предупредив об этом прежнего владельца, а если у чагара несколько раз менялись владельцы, он должен был в обратном порядке предложить продаваемого чагара. Причем, владелец чагара должен был продать его по той же цене, за которую купил сам. В случае нежелания купить чагара бывшим хозяином он мог продать его другому, но по той же цене, за которую он купил его, в «противном же случае излишек против покупной цены возвращался прежнему хозяину» (Памятники обычного права... 1965. С. 213). Запрещалась продажа чагар лицам, принадлежащим к другому обществу. Если же вопреки этому установлению случалась продажа, то проданные чагары возвращались продавцу (*Лобанов-Ростовский М.Б.*, 2002. С. 33).

Браки чагар заключались в основном между собой, в редких случаях с низшими категориями узденства, и дети от такого брака считались также чагарами. Дети же узденя от чагарской женщины считались узденями. Владельцы чагар на их брачные дела не имели влияния, последние не спрашивали у них разрешения ни при женитьбе сыновей, ни при выдаче замуж дочерей (ЦГА РД. Ф. 105. Оп. 2. Д. 99-а. С. 5).

Чагары могли выкупиться на свободу, заплатив хозяину установленную сумму. «... каждый из них, – писал о чагарах М.Б. Лобанов-Ростовский, – имеет право выкупиться на волю, заплатив князю по 100 руб. серебром за душу» (*Лобанов-Ростовский М.Б.*, 2002. С. 33). Но в то же время он отмечал, что при этом даже после освобождения рабское происхождение оставалось пятном, «не вдруг изгла-

живающимся в кумыкском обществе» (*Лобанов-Ростовский М.Б.*, 2002. С. 29), или, как писал князь Хамзаев, «в роду неизгладимым пятном» (*Хамзаев*, 1865. № 68).

Как отмечается в работах отечественных исследователей советского периода, все чагары подвергались прямому внеэкономическому принуждению. «Феодал, – писала С.Ш. Гаджиева, – хотя и наделял своего чагара землей, все же сохранял за собой право в любое время заставить его работать на себя. Очевидно, присвоение землевладельцем прибавочного труда чагаров последовало в силу того, что землевладелец являлся одновременно и господином непосредственного производителя. Таким образом, личная и поземельная зависимость в данном случае целиком совпадали» (*Гаджиева С.Ш.*, 1961. С. 115).

Авторы, писавшие в досоветский период, отмечали, что чагары имелись только у князей. Так, М.Б. Лобанов-Ростовский указывал: «Все чагары принадлежат князьям и разделяются на несколько обществ по княжеским домам, из которых вышли» (*Лобанов-Ростовский*, 2002. С. 33–34). Вслед за ним Д.-М. Шихалиев писал, что «уздени не имеют своих чагар и терекеме» (*Шихалиев Д.-М.*, 1993. С. 57). Это, впрочем, подтверждается и приведенными выше названиями кварталов Эндирея и Аксяя, которые указывают какому княжескому роду принадлежат те или иные чагары. Но отдельные исследователи пишут о наличии чагар и у узденей. Так, С.Ш. Гаджиева, ссылаясь на кн. Хамзаева, писала: «Чагаров имели не только бии, но и отдельные уздени» (*Гаджиева С.Ш.*, 1961. С. 115). При этом она отмечала, что «узденские чагары находились в более тяжелых условиях» (*Гаджиева С.Ш.*, 1961. С. 115), чем княжеские.

БИБЛИОГРАФИЯ

- Авалиани С.Л.*, 1914. Зависимые сословия на Северном Кавказе. Одесса.
- Агаян Ц.П.*, 1948. А. Бакиханов. Баку.
- Акбиев А.*, 1998. Кумыки. Вторая половина XVII – первая половина XVIII века. Махачкала.
- Акбиев А.*, 2000. Общественный строй кумыков в XVII–XVIII вв. Махачкала.
- Белобородов А.*, 1895. Землевладение в Терской области // Терские ведомости. Владикавказ. № 107, 108, 109.
- Белобородов А.*, 1896. Прошлое кумыков // Терские ведомости. Владикавказ. № 145, 146.
- Белокуров С.А.*, 1989. Сношения России с Кавказом. Материалы, извлеченные из Московского Главного архива Министерства иностранных дел. 1578–1613. М. Т. 1.
- Гаврилов П.А.*, 1869. Устройство поземельного быта горских племен Северного Кавказа // ССКГ. Тифлис. Вып. II.
- Гаджиева С.Ш.*, 1961. Кумыки. Историко-этнографическое исследование. М.
- Гарданов В.Г.*, 1967. Общественный строй адыгских народов (XVIII – первая половина XIX в.). М.
- Гидулянов П.Г.*, 1901. Сословно-поземельный вопрос и раятская зависимость в Дагестане // Этнографическое обозрение. № 1-3.
- Дубровин Н.*, 1871. История войны и владычества русских на Кавказе. СПб. Т. 1. Кн. 1.
- Иванов А.*, 1940. Социально-экономическое и политическое положение Дагестана до завоевания царской Россией // Исторический журнал. № 2.

История Кабардино-Балкарской АССР с древнейших времен до наших дней. 1967. М. Т. 1.

Кушева Е.Н., 1963. Народы Северного Кавказа и их связи с Россией в XVI–XVII вв. Вторая половина XVI – 30-е годы XVII века. М.

Лобанов-Ростовский М.Б., 1846, 2000. Кумыки, их нравы, обычаи и законы. Описание быта кумыков 1843 года // Кавказ. № 37–38. М.

Магомедов Р.М., 1957. Общественно-экономический и политический строй Дагестана в XVIII – начале XIX века. Махачкала.

О-ин М., 1892. Двадцатилетие освобождения зависимых сословий на Северном Кавказе // Терские ведомости. № 50.

Османов Г.Г., 1960. О социальном строе Дагестана в конце XVIII – начале XIX в. // УЗ ИИЯЛ ДФ АН СССР. Махачкала. Т. 7.

Памятники обычного права Дагестана XVII–XIX вв. 1965. Архив, матер. / Сост., предисл. и примеч. Х.-М. Хашаева. М.

Петухов П., 1867. Очерк Кайтаго-Табасаранского округа // Кавказ. № 7, 8, 13, 15, 16, 17.

Рукописный фонд Института ИАЭ ДНЦ РАН. Ф. 1. Оп. 1. Д. 158.

Руновский А., 1862. Взгляд на сословные правила и на зимные отношения в Дагестане // Военный сборник. Т. 25. Кн. 8.

Семенов Н., 1895. Туземцы Северо-Восточного Кавказа. СПб.

Тамай А.И., 1955. Кумыки в XV–XVII вв. // РФ ИИАЭ ДНЦ РАН. Ф.3. Оп. 3. Д. 29.

Тамай А.И., 1955. Кумыки в XVIII веке // РФ ИИАЭ ДНЦ РАН. Ф. 3. Оп. 3. Д. 78.

Феодальные отношения в Дагестане. XIX – начало XX вв. 1969. Архив, матер. / Сост., предисл. и примеч. Х.-М. Хашаева. М.

Хамзаев, 1865. Кое-что о кумыках // Кавказ. № 68, 70.

Хашаев Х.-М., 1961. Общественный строй Дагестана в XIX веке. М.

ЦГАРД. Ф. 90. Оп. 1. Д. 30.

ЦГА РД. Ф. 105. Оп. 1. Д. 6.

ЦГА РД. Ф. 105. Оп. 2. Д. 99-а.

ЦГАРД. Ф. 126. Оп. 1. Д. 11.

ЦГА РД. Ф. 126. Оп. 2. Д. 72.

ЦГА РД. Ф. 150. Оп. 1. Д. 1.

ЦГА РД. Ф. 370. Оп. 1. Д. 337.

Шихалиев Д.-М., 1848, 1993. Рассказ кумыка о кумыках // Кавказ № 37–44. Махачкала.

Юшков С.В., 1938. К вопросу об особенностях феодализма в Дагестане (до русского завоевания) // УЗ Свердловского госпединститута. (Исторический). Свердловск.